

Песок

Автор:

Сергей Ташевский

Песок

Сергей Владимирович Ташевский

Кто научил нас придумывать тот мир, который мы видим вокруг себя? Короткое путешествие в бессмертие, которое совершают герои этой повести, заканчивается простым ответом: наша смертность – единственный залог того, что мы не одиноки. Лишь благодаря смерти мы действительно существуем – и существует мир вокруг нас.

Я ношу этот мир в голове, но он мне не принадлежит. Во-первых, я взял его в долг, и верну пустоте через несколько десятилетий, а может раньше. Во-вторых, я не могу ничего в нем изменить, не изменив самого себя. И, наконец, я сам, со своей внутренней погремушкой, живу лишь в сознании того, кто читает эти строки или смотрит на меня. Если книгу закрывают, Вселенная пустеет.

Остаются только безликие песчинки, не имеющие собственных имен.

Это мы.

Ты и я.

ОНА

Глупо вообразить, будто что-то знаешь о человеке по письму. Романы со слепой перепиской из прошлого века – спермотоксикоз и стерпится-слюбится с другой стороны конверта. Но я сам такой.

Когда на форуме в первый раз появился ее текст, по спине пробежали мурашки узнавания. С тех пор не могу забыть о ней – упрекая себя в этой пошлости. Обидный упрек, но что ж.

Разумеется. Мы переписываемся. Она комментирует тексты в нашем журнале. Мои тексты тоже. Мы спорим, мы советуем друг другу книги, мы говорим о небесных миндалях. Но как она выглядит – не знаю. Нет даже фотографии. Хотя, конечно, придумал тысячу нежных мысленных оболочек – но ей не удержаться ни в одной. Похоже, живет в Румынии – по IP бьётся Бухарест, а она часто упоминает про море. Вероятно, ей чуть больше двадцати. Вот и все ориентиры.

Добраться до нее невозможно. Она предпочитает оставаться виртуальной тенью. Или – моей фантазией? Ведь стиль так знаком, что, кажется, я мог бы говорить за нее сам.

БЛИЖЕ

Вот – лето. Московское лето финала XX века. 1998. Август. Все как обычно.

Город в замкнутом пространстве дождей и жары чертит каббалистические фигуры, из которых все трудней выйти. Еврейские девушки, готовые исполнить танец Саломеи в новых исторических рамках. Русские юноши, готовые пожертвовать собой – ради себя. Голубые и лесбиянки, раздавленные своей ординарностью. Идиоты, сравнивающие этот город с Содомом, который нечем посолить. И всюду – слова, слова, слова...

– Нам нужно ехать в Сирию, – говорит друг.

- Почему туда?

- Там есть ориентиры.

- Ориентиры только сбивают с пути.

- Вот именно.

И правда, всем нам нужно сбиться с пути. Выбраться из этого сверкающего пекла. Я смотрю на карту. Ехать через Румынию. Допустим, это знак. Допустим, ориентир.

А там - блаженный и странный Дамаск в передышке между многовековыми необъявленными войнами, где интеллектуалы, художники и поэты сидят сейчас в уличных кафе среди пестрых развалин, попивая чай, замышляя новые мировые схватки, и не слишком опасаясь, что случайный снаряд лишит их интеллектуального потенциала... Ну что ж, окунёмся в этот мир.

- Ты поедешь с нами в Дамаск? - пишу я ей через полчаса. Откликается неожиданно быстро, будто сидела у компьютера и ждала вопроса:

- Поеду. Я в Бухаресте. У нас есть консульство, завтра поставлю визу. У вас есть?

- Думаю, быстро сделаю, друг уже получил. Он едет в Стамбул стопом, а я за ним - на машине. Тебя взять в Бухаресте?

- Нет. Назначим стрелку.

- Тогда скажи, как тебя зовут по-настоящему. И фотку, может, все-таки пришлешь? Иначе как мы узнаем друг друга?

- Как-нибудь узнаем. Не беспокойся.

ВЫКЛИКАТЬ СЛУЧАЙНОСТИ

Форд-фиеста 1991 года, заменить рычаги подвески, взять инструмент. Карты. Немного денег – все, что есть. Можно одолжить еще сотню, все равно отдавать в другой жизни. Ведь жизнью, конечно, у человека много. Полно. Вот и виза, блеклая рамочка в паспорте с личной печатью сирийского консула. Остались только рычаги. Подвеска слегка гуляет, а ехать на десять тысяч. Через Украину, Молдавию, Румынию, Турцию. Всюду теперь границы.

Перед выездом еще раз проверяю личные сообщения. Ничего. Ни слова. Иду на форум журнала. Черт. Она удалила акаунт. Что за ерунда? Зачем? Мы ведь назначили день, когда встретимся. И где же?

Хорошо. Значит, либо все отменяется, либо встреча должна быть случайной. Как говорил Арнобий, из двух неопределенностей всегда следует выбирать ту, которая оставляет надежду. Ехать мимо Бухареста не спеша. Ехать через Румынию не спеша. Выкликать случайности.

Беда только в том, что не спеша – уже не получается. Таможни, границы, таможни... Они всегда не работают, или работают – но не сейчас. Час за часом на каждой границе.

На вторые сутки от недосыпа начинает темнеть в глазах. А трасса не из легких.

Молдавская дорога – римская брусчатка с островками размытого асфальта.

Да и румынские дороги – не хайвеи. И деревья стоят вплотную к обочине.

ТУМАН

Как я вообще оказался здесь, почему еду в этом вязком тумане, сквозь который с трудом видны редкие дома вдоль дороги?

Куда я еду, откуда? Уже ничего не помню. Встреча? С кем? С каким-то придуманным мною персонажем? Мне нужно быть самое большее через четыре дня в Стамбуле, он совсем рядом, куда я спешу? Поворот на Констанцу. Был или не был? Карта живет своей жизнью, дорога – своей. Названия не совпадают. Куда меня занесло?

Резко сжимаю пальцами мочки ушей.

Надо отдохнуть. Наверняка дальше найдется какой-нибудь съезд. Наверняка. Не спать. Еще несколько километров (скорее бы их проехать), и там точно будет поворот...

1

МЫ МЕРТВЫ

В ее неподвижные губы стекают капли дождя. Дождя, пришедшего неведомо откуда, идущего неведь куда. Блаженный запах теплой мокрой земли, шелушистое побрякивание листьев огромного черного вяза, нижние ветки которого едва проступают сквозь туман над нами, и с них бегут струйки воды – нам на лица. Мы лежим далеко от ствола. Мы невредимы. Удара практически не было.

Я тоже не могу пошевелиться. И глаза неподвижны. Они смотрят в одну сторону – на нее. Не могу отвести взгляд, и не хочу. Стоп-кадр, когда все вокруг живет, замерли только мы.

Кто она? Случайная попутчица? Та, которую знаю всю жизнь? Мы ехали вместе? Скорей всего, да. Или нет, не помню. Прошлое исчезает. Остается финальный кадр, и он так хорош, что все остальное не важно.

Мы будем лежать здесь вечно, не прикоснувшись друг к другу, рядом с перевернутым на бок Фордом, который ничего не стоит поставить обратно на

колеса и продолжить путь, куда? – нет, потом, – невредимые и счастливые. Это лишь пауза. Капли дождя, утро на румынской земле, где никто никому не нужен.

Я лежу и представляю, как пахнут ее волосы. Я прошу ветерок перемениться и принести мне этот запах. Мы неподвижны, как будто умерли, но удара почти не было. Просто ничего не может быть лучше этих минут или часов, пока за нами не придут, не достанут черные полиэтиленовые мешки, пока идет дождь, и теплая земля поднимает к небу капли тумана.

МЫ ЖИВЫ

– Здесь не стоит останавливаться, – она категорична. Да, а ведь это первая фраза, обращенная ко мне. Почему? Совершенно спокойное место, можно бы передохнуть, попробовать выправить вмятину на левом боку машины, не так уж трудно, а каждый полицейский цепляется.

Я вообще не знаю, живы мы или умерли, факт только, что машина отделалась легкой вмятиной. Должно быть, статистически мы живы. Я только что беседовал с третьим за день румынским полицейским. Впрочем, беседовал в смысле демонстрировал документы, стараясь перевернуть в его руках права и техпаспорт правильной стороной. Тщетно – наверное, вверх ногами ему видится больше знакомых букв. Да, видимо, мы живем – и выйдем славной парой, едущей в отпуск, двоих румын уже подвезли на стопе, о чем-то с ними пытались разговаривать – без особого успеха. А я еще не знаю, как ее зовут. То есть когда рядом кто-то третий, я слышу ее голос, она говорит по-русски и по-румынски, бегло переводит мне речь собеседника, наши реплики дополняют друг друга, летя к одной мишени, мы подбираем друг другу слова, но еще ничего не спросили и не сказали наедине.

Я что-то, наверное, узнаю из ее разговора с другими. Нет, всякая глупость, и зачем? Да, она сказала, что здесь лучше не останавливаться. А где же?..

– Мы вообще не будем останавливаться.

Я не понимаю, что это значит. Не понимаю. Просто нажимаю на газ, и мы едем дальше.

МЫ ЖИВЫ

Перевал за перевалом. Южная Болгария вся из перевалов. В свете фар шарахаются какие-то зверьки, енотовидные ежи, ни дать ни взять не задавить. Этакie маленькие слоники перебегают ночную дорогу. Мы поднимаемся все выше, час за часом, поворот за поворотом. Это другая страна, в окно рвутся новые запахи, другие ветерки, а я все еще не знаю, как пахнут ее волосы, и ни о чем другом думать не могу, пока мы молчим – час за часом, поворот за поворотом. Никогда еще не было такого блаженства – в молчании, наедине.

МЫ ЕДЕМ ДАЛЬШЕ

Турция. Терминал. Я вообще не знаю, откуда она вытаскивает документы, но они есть. Видимо, отличные документы, то, что надо чтобы проходить все таможни насквозь. Они видят паспорт в руке, а ее не видят. Я не вижу у нее никакого паспорта. Бред? А разве это не то, что надо, не то, что лучше и не придумаешь?! Может, гипноз, может, сон, может, мы умерли, газу – и вперед! Через тридцать минут мы вылетаем на равнину. Светает. Сна – ни в одном глазу, разве что ноет тело. О, вот и Турция! Я в первый раз улыбаюсь – но совершенно не ей, совершенно своим мыслям, и только когда оглядываюсь, вижу ее улыбку.

МЫ МЕРТВЫ

Горы, горы. Раскаленный гудрон дороги. Мы должны оставлять на нем четкий след. Широоченные трехрядные дороги – можно разминуться с чем угодно, даже со своим будущим.

МЫ УМЕРЛИ

Солнце почти заходит, вот-вот закат, я включаю габаритные огни, и приборная доска становится чем-то вроде костра, уютного и завораживающего, над которым – дорога. Это одно из чудес века: сочетание несочетаемого, движения и статики, свободы и защиты. Когда час за часом едешь так по пустынным дорогам, уже не знаешь, во сне или наяву перемещается твое тело. Твое – и ее. Она сидит ближе, чем руку протянуть, но это лишнее. Свет приборной доски. Шелест шин. На спидометре – сто в час. Молчание. Тишина. Никаких кассет, никакой музыки, щедро запасенной в дорогу. Перевалы лучше всего было проходить под французский шансон. Адамо, Брассенс. Магнитола с автореверсом, не нужно менять кассеты... А сейчас тишина. Тишина.

Я скашиваю глаза вниз, на щиток магнитофона. Он горит. Кассета крутится. Громкость – на максимуме. Ни звука.

Только шелест шин.

Я трогаю регулятор – полоска громкости бежит вниз и снова вверх. Ни звука.

– Это обязательно?

Я оборачиваюсь направо.

– Ты не любишь...

– Музыка волчий вой. Овец завораживает. Но если ты сам...

Магнитофон вдруг взрывается на полной громкости последним аккордом: «А-у-у!» Я бью по кнопке, выбрасывающей кассету, нечаянно дернув руль в сторону – машина делает вираж, вновь выравнивается – и в эту секунду мы оказываемся на другой дороге, узкой, со стертыми линиями разметки...

– Что еще за шоссе в никуда?

– Не тормози. Все дороги ведут в никуда. Ты просто выключил музыку.

МЫ ЖИВЫ

Полночь. Бензина осталось километров на сто, впереди никаких признаков жизни. Идеально ровная трасса. Ни машины. Тишина. Куда мы едем? Где таблички, ориентиры? Нет смысла смотреть на карту, и возвращаться тоже незачем – отмахали километров двести от поворота. Если это был поворот...

- Не беспокойся, теперь недалеко. Сейчас будет мотель.

- Откуда ты знаешь?

- Мы срезаем путь. Это запретка.

- Запретка? Почему, куда? Ее не охраняют?

- Охраняют. Музыка в магнитофоне.

- Я не понимаю.

- Хорошо. Кредитными карточками. Обязательным страхованием. Собственной жилплощадью. Собственным уютным автомобилем. Так понятней?

- Да. Но почему мой собственный уютный автомобиль едет сейчас по этой дороге?

- Потому что тебе все равно куда.

- Откуда ты знаешь? Я ехал в Дамаск.

- Чепуха. Ты просто выбрал цель – чтобы ехать прочь.

МЫ УМЕРЛИ

Он появляется в свете фар внезапно. За ним – вертикально уходит вверх темная масса камней и оползней. Дальше – темнота. Выступает из мрака решетчатый каркас, основание какой-то вышки. Ветряк. А это двухэтажное здание – мотель. У подножия горы Сара.

– Откуда я знаю ее название?

– Я знаю.

– Здесь никого нет?

– Разумеется. Но переночевать можно. Мы доберемся на место утром.

– Машину оставим тут?

– Да.

Дверь не заперта. Внутри пахнет горячей пылью, пустотой. Пол чуть поскрипывает.

– Взять из машины фонарь?

– Не надо. Дай зажигалку.

Загорается огонек, и я вижу в ее руке свечу. Пламя быстро вырастает, отбрасывая наши тени на стены и потолок.

– Ты ляжешь наверху. Там все постелено.

– Такое гостеприимство? Нас ждали здесь, похоже, лет двадцать...

– Пятнадцать. Я лягу внизу. Возьми свечу. Поднимешься – и первая дверь налево. Ты устал.

Свинцовая усталость бьет в спину, в ноги, в голову. Две тысячи километров без передышки. Как это удалось? Где комната? А, вот... Действительно, широкая дубовая кровать под покрывалом, белье как будто только что накрахмалили. Она сказала – пятнадцать лет... Запах теплой пыли и какой-то еще неуловимый... Она там, внизу, сейчас... Как же пахнут ее волосы? Может быть...

Последнее, что я помню, прежде чем задуть свечу, прежде чем стать другим – этот бред, этот почти детский всхлип сквозь дорожную усталость. Она слетает в то мгновение, когда я прикасаюсь головой к подушке. И я думаю, что проваливаюсь в сон.

МЫ ЖИВЫ

На самом деле в следующее мгновение я открываю глаза. От резкого, счастливого как крик чайки солнечного света. Он пронизывает все, владеет миллиардом пылинок в комнате, миллиардом секунд, которые можно блаженно тратить. Словно искупался в парном молоке. Но уже полдень, никак не меньше. Где она? Внизу?

Я мгновенно одеваюсь, сбегая по лестнице (при дневном свете никаких сомнений – все ветхо, заброшено, да: пятнадцать лет – никого). И на секунду – отчаяние: ее нет. Не было. Сон.

Со мной что-то не так. Как будто стало темнее – или темнеет в глазах? Или туча закрывает солнце? Но почему тогда от позвоночника по всему телу разбегается дрожь, переходящая в боль? Что это? Слава Богу!

– Теперь надо быстрее ехать!

Она стоит в дверном проеме, в дневном проеме, отделяющем свет от мрака. Здесь просто закрыты ставни. Вот почему темно.

Я обессилено сажусь на диван, покрытый слоем пыли. Все тело болит, ломит виски.

- Подожди. Мне нехорошо...

- Я знаю. Это пройдет, очень скоро пройдет. Поехали!

- На машине? Мы же хотели дальше идти пешком?

- Тут тридцать километров. И жара. Если хочешь себя помучить – пожалуйста. Мне все равно.

Я устало поднимаюсь.

- Давай хотя бы перекусим. У меня в багажнике...

- Тебе этого уже не нужно. Мне тем более. Поехали.

Я выхожу из дома, и, прежде чем сесть в машину, оглядываюсь. Да. Декорация какая-то из фильмов ужасов, а не мотель. Выгоревшая краска на дощатых стенах. Ржавая крыша. Скелет ветряка. Все окна, кроме одного на втором этаже закрыты ставнями. А выше – гора. Вертикальная стена, к которой пристроено здание, переходит в пологий склон.

- Куда нам?

- Дальше, по дороге. До конца.

- До конца? А что в конце?

- Один вопрос – один ответ, так тебе нужно, да?

- Не знаю.

- Тогда – поехали.

МЫ УМЕРЛИ

Дорога обрывается внезапно, машину выносит на песок. Я глушу мотор. Так. Завяз. Форд лежит на брюхе, песок под ногами горячий как расплавленное олово, но боли уже нет, наоборот – легкость, и какая-то почти счастливая дрожь разливается по всему телу волнами. Она тоже выходит из машины.

– Пошли. Можешь не закрывать – здесь никого никогда не будет.

Я оглядываюсь по сторонам. Там, где кончается асфальт, торчат какие-то столбики с табличками. Как ограждение. В обе стороны от дороги. И все – разные.

– Что там написано?

– Какая разница? Возможно, ответ на твой вопрос. Видишь, сколько их – ответов?

Я читаю на одном щитке: «Природная аномалия. Зона X», на другом: «Вечность», на третьем – «Смертельно опасно. Пребывание не более 15 минут». Дальше – какой-то самодельный щиток с надписью: «Привет участникам конгресса!», и еще, и еще какая-то галиматья на разных языках, от таблички к табличке... Некоторые покосились, проржавели, кое-где щитки лежат на земле.

– Ну как, все ясно?

– Да. Это мертвое озеро?

– Это граница. Между теми, кто мертв – и теми, кто бессмертен.

– Оттуда не возвращаются?

– Оттуда можно не возвращаться.

ВОЛЧИЙ ВОЙ

Мы отходим от машины шагов на пять, как вдруг она останавливается.

- А что у тебя есть из музыки?

- Все-таки хочешь напоследок послушать?

- Нет. Уши по ветру - я их отсюда унесу. Но у тебя ведь магнитофон сам переворачивает кассеты?

(Она как-то странно возбуждена, почти на грани истерики).

- Да.

- Ну вот и отлично. Пусть себе играет, пока не сдохнет.

- Поставь тогда что-нибудь веселое. Брассенса, например. Или...

- Ну нет! Раз ты такой поклонник французов - Пиаф у тебя имеется?

- Ее же невозможно слушать в дороге. Там только дорожная музыка - как я это понимаю.

Она копается в бардачке, выбрасывая кассеты прямо на песок.

- Нет. Не пойдет. А это что?

- Меркьюри. «Шоу маст гоу он». И все такое.

- Нормально. Шоу у нас будет. Но здесь не пойдет.

Кассета летит в груды других.

- Что тебе нужно?

- Побольше меланхолии. Волчий вой для овец.

- Тогда поставь DOORS.

- Это здесь чересчур. Получится как оперетта от Паркера.

Меня все это почему-то начинает раздражать. Хочется скорее идти, бежать дальше - а она там копается...

- Скажите пожалуйста! Какой, оказывается, тонкий музыкальный вкус!

- Ладно.

Она с раздражением запихивает в магнитофон первую попавшуюся кассету - и над песчаными холмами раздаются аккорды «Blue valentine» Тома Вэйтса.

- То, что надо?

- Не имеет значения. Пусть воет.

Мы отходим от машины на несколько метров - и музыка становится тише, а потом ее вовсе уносит прочь ветерок, прохладный, пьянящий ветерок, дующий прямо в лицо. И тогда мы видим вдали озеро.

МЫ МЕРТВЫ

Я знаю, что уже поздно задавать вопросы.

В любом случае, пятнадцать минут прошло. И я вижу перед собой черную воду.

Все, что знаю о мертвом озере - легенды и ерунда. Будто сюда бежали какие-то сумасшедшие, панки, рокеры, преступники. Ссылали приговорённых к смерти. Отсюда же не возвращаются. Объяснения нет, только сказки. Будто какой-то адский магнит, притягивающий человеческую кровь. Радиация, меняющая структуру тканей. Нельзя уйти. Только с ней можно жить. И мотель - точно из этих сказок. Будто бы сюда привозили человека, снимали наручники,

укладывали спать. На простыни, выстиранные в озерной воде. И все. Наутро он сам уходил к озеру. Кто стелил простыни, кто стирал? Горничные в свинцовых костюмах? Пионерские страшилки из желтой прессы. Все давно забыли. А это – есть.

Но она-то явно отсюда! И знает здесь все не понаслышке – наверняка. Как такое возможно, если не возвращаются?

И зачем я иду с ней?

Она права. Я иду – потому что мне все равно. Все равно куда идти – если идешь с ней рядом. А она просто не может не знать, куда идет.

Много лет назад один мой приятель, сидевший на игле, пришел ко мне поздно вечером с дозой морфия. Морфий предназначался кому-то другому. Но заказчик не явился, и приятель предложил попробовать – хоть раз в жизни. Я ведь никогда не пробовал колоться. Знал только по слухам, что надо обязательно вывести шприц «на контроль», и сделать так, чтобы в нем не было пузырьков. Иначе пузырек закупорит вену – и все, мгновенная смерть. Но приятель вогнал мне в вену чуть не кубический сантиметр воздуха. И глядя, как он это делает, я подумал: «В конце концов, ему видней».

МЫ МЕРТВЫ

И вот – озеро.

От песчаных барханчиков к нему идет пологий спуск метров в триста длиной. Темная вода. Вдали – полоска противоположного берега, почти скрытая в каком-то дрожащем мареве. Сзади, за спиной – молчание огромной горы. Я оборачиваюсь: почти черный, угольно-пепельный склон, круто уходящий в небо. Наверное, ее тень на закате достигает воды.

Вправо и влево – бесконечные пляжи, бухточки, в которых нет ни одного камня. Только песок. Белый и черный цвет. Песок и вода. И больше – ничего. Ни деревца, ни дома, ни скалы. Просто бесконечный пляж, курорт до горизонта.

Но в этой картине странная смесь угрозы и обещания. Вода – как огромный черный магнит, как внимательный глаз. И я не могу отвести от нее взгляда.

ВОДА

– Ну, как тебе тут?

– Хочется удавиться. Это место похоже на все сразу.

Ее бьет мелкая дрожь, и рябь – по озеру.

– Давай искупаемся?

– Нет!

На самом деле мы все равно сейчас войдем в эту воду. В воду, которая – я знаю – пьянит и снимает все воспоминания, в воду, которая может двигать горами, в воду, по которой возможно ходить с вечера до утра, не оставляя следов.

– Ты здесь уже была?

– Да, да! Эта вода у меня на шее.

И теперь я понимаю, чем пахнут ее волосы, но ветер дует совсем с другой стороны, с озера.

ВОДА

– У этого озера есть легенда. Конечно, ее сочинили, потому что все легенды – ложь. По нашему образу и подобию. Но все равно: когда падшие ангелы оказались на земле, они заплакали. Потом слезы иссыкли, и они стали теми, кем

стали. Равно как и люди.

- И что значат эти слезы?

- То же, что и любые.

- Поэтому от них нельзя уйти?

- Да. Труднее всего уйти от жалости к самому себе.

МЫ ЖИВЫ

Мы заходим в воду. Это нельзя объяснить, нельзя передать – как нежданное прикосновение к детству. Как мгновенно охватывающий озноб первой любви. Нет, больше нет подходящих слов – а я лишь по щиколотку в воде! Она принимает меня целиком. Все. Мы плывем. Я не умел плавать – но здесь невозможно утонуть, плывешь помимо своей воли.

ВОДА

- Ты должен был встретиться в Стамбуле с другом.

(Она лежит в воде на спине, и теперь я наконец вижу на ее груди, на тонком шнурке – маленький флакон, мутное стекло. Теперь нет загадок). Стамбул? Что такое Стамбул? Константинополь, Святая София. Мы должны были встретиться...

- Да. Мы поедem в Дамаск.

- Этого уже не будет. Он тебя не дождется.

- Откуда ты все это знаешь?

– Мы лежим в одной воде.

УЖЕ ПОЗДНО

Когда все понимаешь, уже слишком поздно. Отсюда не возвращаются. Когда в большом мире сделают новейшее открытие и обнаружат, что слезы обладают радиоактивной силой, тоже будет слишком поздно. Как всегда. Тогда, конечно, поймут, почему все святые улыбались, почему смех исцелял, зачем им был нужен Бастер Китон и Чарли Чаплин. Поймут, на каком волоске висела их жизнь со времен Аристофана, бродячих комедиантов, да и раньше, и позже – всегда. Когда им скажут: мы лежим в одной воде.

МЫ ЖИВЫ

И все-таки я смотрю на нее – и улыбаюсь. Она такая невероятно серьезная, а ведь лежит в воде на спине, блаженно расслабив тело, и только горькой гримасы тут не хватало! То ли мне слишком хорошо от первого погружения в озеро, то ли я еще не понял чего-то, – меня разбирает смех. Я с ним не могу справиться – словно от щекотки: падшие ангелы наплакали... Кот наплакал! Я принимаюсь смеяться – и, елки-палки, – сразу начинаю тонуть. А, между прочим, тут ведь глубоко! Плаваю же я по-собачьи, и то при удаче. Видно, она мне все-таки улыбается в ответ: мелкими саженками доскребаюсь до песка под ногами, вылезая на берег, отплеываюсь. Ну вот, все. Эта гадость уже попала мне в рот. Что я скажу... Маме? Смех снова разбирает меня, уже окончательно.

МЫ ЖИВЫ

Она осуждающе смотрит на меня, потом все-таки улыбается. Чуть-чуть, краешками губ, как тогда, в машине. Слово улыбка причиняет ей невероятную боль.

- Вон, смотри - видишь наши города?

Действительно, на том берегу - настоящий город. С высокими домами, какого-то бледно-желтого цвета, и, кажется, левее - еще один. Дома еле различимы сквозь дымку.

- Как вы их построили?

- Просто. Ты думаешь, здесь много занятий? Времени много, а заняться нечем. Почему бы не построить город?

- Из чего? Тут ведь даже камней нет...

- Из песка, разумеется. В них никто не живет. Здесь не нужна крыша над головой, вообще ничего не нужно.

Я представляю, как они прогуливаются по этим городам. Может, даже ведут там уличную торговлю за самодельные деньги - самодельными вещами, продуктами и выпивкой (ведь здесь в этом тоже нет никакого смысла). Представляю, как они имитируют жизнь - единственную ее форму, какую знают. Да...

- Райское место, ничего не скажешь.

- А ты думаешь, в раю лучше?

Слишком обыденный вопрос. Как будто уж она-то в курсе.

МЫ МЕРТВЫ

- Ты это придумала сама?

(Я уже знаю всю историю про озеро - а это о бутылочке на шее)

- Нет. Кто-то, давным-давно. Но никому не хотелось даже попробовать.

- Почему?

- А ты еще не понимаешь?

Нет. Я не понимаю - что здесь делать, зачем. Оливковые волны, палящее солнце - вечный безнадежный курорт. Конечно, вода... Она как морфий - проникает в вены, предельно отрезвляет и фокусирует сознание, мысли сходятся в плотный пучок, которым, кажется, камень можно пробить...

Стоп.

А мы вообще - говорим, шевелим губами?

- Нет.

НЕТ

- Значит, в этом все дело?

(Она сидит на берегу в двадцати шагах от меня, повернувшись спиной. Мы, понимаете ли, разговариваем.)

- Не только. Хотя, сам видишь, здесь каждый - отличный собеседник.

- Даже слишком.

- Поначалу да. А потом все переходит из одного в другого, как в сообщающихся сосудах.

- И все равно, с кем я говорю?

- А ты и так всегда говорил с самим собой.

МЫ ЖИВЫ

– Забавно, это я уже слышал. Стало быть, собеседники все же находились.

(Неудивительно, что она молчит. Я бы тоже промолчал.)

Опаньки!

Отсюда надо бежать, любой ценой – пускай крутит кости, больше ни секунды! Я вскакиваю и оглядываюсь. И вижу гору Сара. Черный, северный склон.

Теперь ее ход: она поворачивает голову – я вижу, вижу все-таки улыбку!

– Я похожа на твою тень?

Нет, на тень она не похожа. Мы лежим на песке, обезумевшие от бьющего в глаза солнца, как будто оно и снизу, и сверху.

2

СЕГОДНЯ

...В этом городе у меня самое классное занятие: реклама. Я рекламирую все подряд. Каждое утро прикидываю, что – и через два часа все улицы усеяны плакатами, надписями, даже памятниками. Иногда кто-то приходит и просит прорекламировать что-то свое. Это особенно интересно.

Но мы не говорим. То есть говорим, перебираем шуршащие фантики слов своих языков (тут ведь греки, итальянцы, французы – кого только нет), но слова не звучат. Вместо них в сознании возникают безупречные и одновременно неловкие, как щекотка, готовые формулы. Надписи на любом языке – с ними то же самое, это теперь отпечатки смыслов, в которых теряются знаки. Будто все озвучивает закадровый переводчик с голосом гермафродита. Каждый понимает другого, но разговаривать без слов – как есть пищу без соли: только по необходимости. Моя работа – постараться добавить хоть щепотку приправы. Кажется, получается.

В самые пресные дни я рекламирую воду. Мой любимый слоган – «Войди в эту воду дважды!» – вызывает восторг у всех. Все-таки в основном здесь отвязный народ. «Вам нравится эта жизнь? А это не жизнь!», или «Время собирать лежащие камни» – тоже неплохо.

В принципе, мы, конечно, торчим на какой-то ерунде. Все: и мусорщики, собирающие песчинку за песчинкой, и строители, поливающие водой песчаные глыбы, и художники, чертящие на песке картины, и все эти идиоты-торговцы, из последних сил старающиеся приколоться к камешкам-монетам (и так правдоподобно, что, когда они приходят заказывать рекламу, меня тоже пробивает). Отдельное дело – война. Она обычно случается по пятницам (два раза была в субботу), туда идут почти все. В последний раз мы ходили разрушать северный город три дня назад – наверняка его уже отстроили заново. Недели через две сюда тоже припрется куча идиотов, и мы не выстоим, придется все начинать сначала. Поэтому сегодня я рекламирую «сегодня» – одноразовое «сегодня», практически даром, налетай!

Но ее я вижу очень редко. Очень. Она – что-то вроде королевы, и всегда неизвестно где. То есть она всегда здесь, рядом. Мы все время говорим, если это молчание можно назвать разговором. Мы говорим и сейчас.

Кстати,

Купить: https://telnovel.com/ru/tashevskiy_serгей/pesok

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)